

ЧЕРНЫЕ ПАНТЕРЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Us Usus

Чёрные пантеры

«Автор»

2026

Usus U.

Чёрные пантеры / U. Usus — «Автор», 2026

У них идеальные анкеты, хирургически точные руки и строгие воротнички, под которыми скрывается абсолютная автономия от этого мира. История о том, как две хрупкие женщины создали собственную неприступную крепость, где правила игры диктует только их личный, нерушимый закон.

© Usus U., 2026

© Автор, 2026

Us Usus

Чёрные пантеры

Пролог:

У них идеальные анкеты, хирургически точные руки и строгие воротнички, под которыми скрывается абсолютная автономия от этого мира. История о том, как две хрупкие женщины создали собственную неприступную крепость, где правила игры диктует только их личный, нерушимый закон.

Чёрные пантеры

Лето пахло пылью, свободой и дешёвым питерским кофе из автомата. Настя и Лиза сидели на подоконнике съёмной квартиры на Васильевском острове. На полу валялись два красных школьных диплома с отличием, которые ещё месяц назад казались центром вселенной. Теперь они были просто картонками, открывшими им двери в законный «gar year» — год абсолютной свободы, который они буквально выгрызли, вымолили у родителей.

За окном шумел вечерний Средний проспект, а в комнате горела одна тусклая лампа. Настя, подогнув под себя ноги, увлеченно водила пальцем по экрану планшета, где открывались фотографии свежих татуировок. Лиза смотрела на неё с мягким ужасом и замиранием сердца.

Они всё делили на двоих с первого класса: шпаргалки, секреты, первые сигареты за гаражами, победы на олимпиадах. Но у Насти была одна тайная, почти религиозная мечта.

— Ты только представь, Лизок, — Настя говорила тихо, почти нараспев, и в её глазах отражался чёрный экран планшета. — Плотный, матовый монолит. Блэкворк от самых ключиц, ровной линией, и симметрично со спины — вниз по всему телу. Всё, Лиза. Целиком. Кроме шеи, кистей и стоп. Чтобы одежда закрывала всё до миллиметра.

Лиза сглотнула, глядя на безупречно чистую, бледную кожу подруги. Настина идея пугала своей необратимостью, но то, как она об этом рассказывала, завораживало.

— Насть, это же на всю жизнь. Это же... больно, — тихо возразила Лиза, хотя внутри неё уже что-то поддавалось, рушилось под напором этой безумной энергии.

— В этом и смысл! — Настя пересела ближе и схватила Лизу за руки. — Мы вернёмся, поступим в институт, потом пойдём работать в офис, в приличные компании. Мы будем ходить в джинсах, закрытых майках, строгих рубашках. Будем идеальными девочками из хороших семей. Нас будут видеть в социуме, общаться с нами, и никто, слышишь, никто вокруг даже не догадается. Это будет наша тайна, скрытая под тканью. Под одеждой будет абсолютная тьма. Ни единого просвета чистой кожи. Только мы двое будем знать, кто мы на самом деле. Это как вторая броня.

Лиза посмотрела на свои руки, потом на Настю. Образ «девочек с двойным дном» внезапно показался ей невероятно притягательным. Всю жизнь от них требовали быть прозрачными, понятными, отличницами. А Настя предлагала запереть бунт внутри себя, под слоем угольно-чёрной краски, доступной только им двоим.

— Ни миллиметра чистой кожи? — переспросила Лиза, чувствуя, как по спине пробежали мурашки от предвкушения.

— Ни миллиметра, — выдохнула Настя, победоносно улыбаясь. Она поняла: Лиза согласна.

На следующий день они уже спускались по крутой лестнице в полуподвальную студию на Фонтанке, где пахло антисептиком, а из-за дверей доносился мерный, жужжащий звук тату-

машинок. Их год свободы только начинался, и они собирались раскрасить его в самый тёмный цвет.

Настя толкнула тяжёлую железную дверь, и подруги по лестнице спустились в полумрак студии на Фонтанке. Пространство было огромным, оформленным в стиле лофт: кирпичные стены, неоновые вывески и открытая зона, где одновременно работали несколько мастеров. В воздухе стоял плотный запах антисептика, мыла и свежего кофе. Из колонок глухо басил инди-рок, перекрывая монотонное, похожее на рой ос жужжание машинок.

Когда девочки изложили свою идею, в студии на мгновение стало тихо. Трое свободных от работы мастеров — бородатый парень в чёрном худи, девушка с дредами и суровый мужчина, сплошь покрытый татуировками, — переглянулись.

— Вы хотите... плотный монолитный блэкворк? От ключиц до щиколоток? Обе? — переспросил бородатый, которого звали Макс. Он окинул взглядом их тонкие фигуры, интеллигентные лица и чистую кожу. — Девчонки, вы хоть представляете, сколько это часов работы? Это адская боль. И это не смыть.

— Мы знаем, на что идём, — твёрдо ответила Настя, расправив плечи. Лиза стояла чуть позади, но кивнула, стараясь выглядеть уверенно.

Мужчина постарше, сидевший за стойкой администратора, прищурился и протянул руку: — Паспорта покажите.

Лиза замерла. Настя спокойно достала из сумочки два паспорта и положила на стойку. Администратор открыл первый, потом второй, вздохнул и покачал головой:

— Семнадцать. Обеим. Извините, мелочь, но мы не работаем с несовершеннолетними без личного присутствия родителей. И уж точно не катаем блэкворк на всё тело. Приходите через год.

Это мог быть финал их мечты, но Настя не зря была лучшей в школьной команде по дебатам. Она шагнула вперёд, опёрлась ладонями о стойку и посмотрела администратору прямо в глаза. На её губах играла едва заметная, торжествующая улыбка.

— Посмотрите на даты, — парировала Настя, её голос звучал абсолютно спокойно и взросло. — У нас разница в днях рождения — всего один день. И наши дни рождения — на следующей неделе. Объём работы, который мы запрашиваем, займёт минимум несколько месяцев. Пока мы согласуем эскизы границ, сделаем разметку и проведём первый контурный сеанс — нам обеим уже исполнится по восемнадцать. Закончим мы этот проект, будучи совершеннолетними. Закон не будет нарушен.

Мастера снова переглянулись, но на этот раз на их лицах удивление сменилось уважением. Девушка с дредами тихо рассмеялась:

— Чёрт, Макс, а девчонка права. Юридически не подкопаешься, если первый плотный покрас делать уже в день рождения. Да и подход... серьёзный. Они ведь не бабочку на пояснице просят.

Администратор ещё раз посмотрел на паспорта, потом на Настю, оценивая её ледяную уверенность. Наконец он закрыл документы и пододвинул их обратно.

— Ладно, отличницы, — усмехнулся он. — Вы сумасшедшие, но вы мне нравитесь. Садитесь за стол, будем считать часы, сеансы и прикидывать, сколько литров чёрной краски на вас уйдёт.

Лиза тихо выдохнула, чувствуя, как внутри всё переворачивается от смеси страха и дикого, пьянящего восторга. Мосты были сожжены.

В день, когда Насте исполнилось восемнадцать, погода в Питере решила соответствовать моменту — небо затянуло глухой, свинцовой тучей, и пошёл плотный, ровный дождь. Лиза

праздновала совершеннолетие на следующий день, но мастера студии пошли навстречу: на кону стоял самый масштабный, безумный и завораживающий проект за всю историю салона.

В полдень двери открылись, и подруги вошли внутрь. Их уже ждали. Посередине лофта, вплотную друг к другу, были выставлены две тату-кушетки. Возле них на столах рядами выстроились огромные бутылки с чёрным пигментом «DynaMic», стерильные модули, вазелин и рулоны плёнки.

— Вы уверены, что хотите начать именно так? — Макс, бородатый мастер, облокотился на кушетку и серьёзно посмотрел на девочек. — Забивать руки одновременно, да ещё и в четыре руки — это адский стресс для организма. Мозг просто сойдёт с ума от болевого шока, если фигачить в два смычка.

— Мы хотим делать это синхронно, — твёрдо сказала Настя, снимая куртку и оставаясь в чёрной майке на лямках. — И сразу много. Чтобы финишная черта у нас тоже была одна на двоих.

Лиза молча кивнула, хотя её сердце колотилось где-то в горле. Настя сжала её ладонь — пальцы у обеих были ледяными, но отступить никто не собирался.

Команда подобралась идеальная. Макс и девушка с дредами, которую звали Яна, забрали себе Настю. А суровый, полностью забитый Олег и молодой парень Дэн встали над Лизой. Четверо мастеров одновременно надели чёрные нитриловые перчатки. Звук четырёх включённых тату-машинок слился в один сплошной, гудящий, агрессивный рой.

— Ну, с днём рождения, отличницы, — глухо произнёс Олег через маску. — Погнали.

Когда первые иглы — широкие магнумы для плотного покраса — одновременно вошли в кожу их предплечий, Лиза едва не вскрикнула. Болевой импульс прошёл тело, заставив её до хруста сжать кушетку свободной рукой. Это не было похоже на лёгкую царапину; казалось, будто кожу заживо срезают раскалённым лезвием, заливая рану кипятком. Она инстинктивно повернула голову к Насте.

Настя лежала бледная, с плотно сжатыми губами и закрытыми глазами. Её дыхание было частым, рваным, но в лице не было ни капли сожаления. В какой-то момент Настя открыла глаза, встретилась взглядом с Лизой и через силу, сквозь боль, улыбнулась. Этот взгляд действовал как анестезия. Лиза сделала глубокий вдох и заставила свои мышцы расслабиться.

Час шёл за часом. В студии почти никто не разговаривал, только жужжали машинки и мастера периодически стирали излишки краски и лимфы бумажными салфетками. Кожа девочек вокруг свежих татуировок мгновенно покраснела и припухла, но под руками мастеров уже рождался тот самый матовый, угольный монолит. Настоящая, непроницаемая тьма, которая дюйм за дюймом поглощала их прошлую, «чистую» жизнь.

Другие клиенты, заходившие в салон в тот день, замирали на пороге. Картина была гипнотической: две хрупкие, похожие на фарфоровых кукол девушки лежат рядом, соединённые невидимой нитью боли, пока четверо татуировщиков методично одевают их руки в вечные чёрные рукава.

К вечеру, когда машинки наконец стихли, обе девушки были опустошены. Их колотило от поднявшейся температуры и адреналинового отката. Но когда Макс и Олег обернули их руки от плеч до запястий в блестящую заживляющую плёнку, Настя и Лиза сели на кушетках и посмотрели друг на друга.

Из зеркала на них смотрели незнакомки. Из-под лямок маек начиналась глухая, иссиня-чёрная броня, полностью закрывающая руки.

— Ну что, соратница, — тихо, почти без сил прошептала Настя, глядя на свои чёрные рукава. — Первая часть тьмы теперь с нами.

Лиза подняла свои потяжелевшие, горящие огнём руки. Страх исчез. Осталось только дикое, пьянящее чувство триумфа и преданности их общему секрету.

Они возвращались в свою съёмную квартиру на Васильевском острове на такси. Обоих трясло — организм, переживший многочасовую пытку и адреналиновый взрыв, требовал тепла и покоя. Руки, плотно замотанные в защитную плёнку, казались чужими, тяжёлыми и горели так, словно их окунули в кипяток. Тёмная краска под плёнкой смешивалась с лимфой, делая их рукава блестящими и пугающе глянцевыми.

— Боже, Настя... меня колотит, — стуча зубами, прошептала Лиза, прижимаясь плечом к подруге.

— Это нормально, это просто откат. Мастера же предупреждали, — Настя попыталась улыбнуться, но её лицо было бледным, как стена. — Сейчас приедем, выпьем ибупрофен и ляжем. Мы сделали это, Лиз. Самое сложное позади.

Самое сложное, как выяснилось, началось в квартире. Оказалось, что когда у тебя одновременно забиты обе руки от плеч до запястий, ты становишься абсолютно беспомощной. Твои руки просто не гнутся, а любое прикосновение к ним отзывается острой, пульсирующей болью.

Первой проблемой стали замки. Настя попыталась повернуть ключ в двери, но пальцы, отекавшие и скованные натянутой кожей предплечья, не послушались. Ключ с металлическим звоном упал на линолеум. Девочки переглянулись и, несмотря на дикую усталость, истерически расхохотались. Кое-как, помогая друг другу локтями и зубами, они всё же проникли внутрь.

Квартира встретила их прохладой. Нужно было переодеться в домашнее, но снять с себя личную одежду без помощи рук было невыполнимой миссией.

— Так, без паники, — скомандовала Настя, тяжело дыша. — Я сниму с тебя куртку зубами, а ты стой прямо.

Это выглядело бы комично, если бы не было так больно. Настя аккуратно подцепила зубами край Лизиной ветровки и потянула вниз. Лиза, шипя от боли, когда ткань задевала горящие плечи, освободила сначала одну руку, затем вторую. Потом они поменялись ролями. Чтобы снять обувь, они просто наступали друг другу на пятки, пачкая светлые кроссовки.

Следующие полчаса превратились в парный квест на выживание.

* Вода: Налить воду из фильтра оказалось задачей государственного масштаба. Лиза придерживала чайник двумя ладонями, стараясь не сгибать локти, пока Настя зубами открывала бутылку с обезболивающим.

* Таблетки: Настя буквально с рук кормила Лизу таблетками, а потом Лиза, аккуратно держа стакан самыми кончиками пальцев, поила Настю.

* Ужин: О готовке не могло быть и речи. Они сидели на полу у дивана, прямо в куче неразобранных вещей, и по очереди ели остывшую пищу, которую Настя умудрялась подцеплять тремя пальцами.

К полуночи таблетки наконец подействовали, завернув боль в глухую, ватную оболочку. Озноб прошёл, уступив место сонной одуре. Они легли на одну большую кровать прямо поверх покрывала, потому что расправить одеяло не было сил. Легли строго на спину, вытянув руки по швам, словно два солдата.

В комнате было темно, только свет фар с улицы изредка резал потолок. Из-под футболок, которые они с таким трудом натянули, на свет ровными чёрными браслетами выступали края свежих татуировок. Самый край их новой, тайной брони.

— Насть? — тихо позвала Лиза в темноту.

— М-м?

— Мне страшно. И... мне так хорошо. Я никогда в жизни не чувствовала себя такой живой.

Настя в темноте нащупала кончики Лизиних пальцев и слегка сжала их. Её ладонь была горячей от воспаления.

— Я же говорила тебе. Теперь под нашей одеждой начинается тьма. И эта тьма принадлежит только нам. Спи, соратница. Завтра нужно будет как-то помыть голову.

Лиза закрыла глаза и впервые за этот бесконечный день улыбнулась. Боль уходила, уступая место осознанию: они действительно это сделали. Их год свободы начался с манифеста, написанного чёрными чернилами прямо на их телах.

Прошёл месяц. Первые, самые тяжёлые недели заживления остались позади. Кожа на руках полностью восстановилась, сошла зудящая шелушащаяся корочка, и теперь рукава выглядели безупречно: плотный, матовый, угольно-чёрный монолит от самых плеч до запястий. Отек спал, боль забылась, оставив после себя лишь пьянящее чувство неуязвимости. Они научились двигаться в этой новой коже. Они научились жить со своей первой тайной.

В один из типичных питерских осенних дней, когда морозящий дождь превратил Фонтанку в серое зеркало, Настя и Лиза снова толкнули тяжёлую дверь тату-студии.

Их встретили как родных. Макс, пивший кофе у стойки, приветливо поднял руку, а Яна отвлеклась от планшета и широко улыбнулась:

— О, отличницы пришли! Показывайте, как зажило.

Девочки синхронно расстегнули и скинули свои куртки, оставшись в майках. Чёрные, идеально покрашенные рукава без единого светлого пятна блеснули в свете ламп лофта. Несколько мастеров подошли ближе, цыкая языками от восхищения. Это была чистая, ювелирная работа.

— Ну что, девчонки, — Макс отставил кружку. — Рукава готовы. Юридически вам уже по восемнадцать, так что теперь мы чисты перед законом со всех сторон. Каков следующий шаг? Решили сделать паузу или хотите небольшие аккуратные контуры на ключицах?

Настя и Лиза переглянулись. В этом взгляде не было сомнений — только безмолвный, годами отточенный синхронный заговор. Они улыбнулись друг другу, и Настя повернулась к мастерам.

— Никаких пауз, — спокойно сказала она. — И никаких контуров. Мы хотим спины. Целиком.

В студии повисла короткая тишина. Даже Олег, который в дальнем углу настраивал тату-машинку, прекратил возиться с оборудованием и поднял голову.

— Спины? — переспросил он, прищурившись. — Плотным покрасом? От шеи и до самого копчика, симметрично, в монолит?

— Да, — твёрдо ответила Лиза, делая шаг вперёд наравне с Настей. — От той линии на плечах, где заканчиваются рукава, и вниз. Полная заливка. Чтобы сзади не осталось ни одного сантиметра чистой кожи. Кроме шеи.

Макс медленно выдохнул и почесал бороду.

— Девчонки, вы маньячки. Вы понимаете, что спина — это одна из самых болезненных зон? Там позвоночник, там почки, там рёбра. Лопатки — это вообще ад, машинка будет вибрировать прямо в кости. Вас там так потрянет, что мало не покажется. Рукава по сравнению со спиной — это детские раскраски.

— Мы знаем, — Настя даже не моргнула. — Но мы договорились. Под одеждой должна быть тьма. Мы хотим сделать это сейчас, пока у нас есть этот год.

Яна восхищённо покачала головой и захлопнула чехол планшета:

— Чёрт возьми, я обожаю этот проект. Мальчики, мы обязаны это сделать. Это будет лучший блэкворк в истории этого города.

Через час кушетки снова были сдвинуты вместе. Настя и Лиза легли на живот, повернув головы друг к другу. Мастера — снова четверо, разделившись по парам — начали подготавливать кожу, протирая её антисептиком. Прохладная жидкость обожгла спины, заставив девочек сжать кулаки в предвкушении.

— Насть, — тихо позвала Лиза, глядя в глаза подруге, лицо которой было всего в тридцати сантиметрах от её собственного. — Готова?

— Готова, — прошептала Настя, и в её глазах снова зажёгся тот самый фанатичный, прекрасный огонь. — Наша броня станет в два раза толще. Мы со всем справимся.

Мастера надели перчатки, и воздух студии снова взорвался плотным, басовитым жужжанием мощных индукционных машинок. Олег и Макс одновременно поднесли иглы к верхним точкам их лопаток.

— Погнали, — негромко скомандовал Олег.

Когда первые широкие магnumы начали скрежетать по коже, впиваясь в зону лопаток, Лиза до боли зажмурилась. Вибрация пошла по всему скелету, отдавая в затылок. Это была совершенно другая, глубинная, изнуряющая боль. Но открыв глаза, она увидела Настю. Настя смотрела на неё в упор, её губы беззвучно шевелились, отсчитывая секунды, а пальцы вытянутой руки искали Лизину ладонь. Они сцепили пальцы между кушетками.

Тьма поползла по их спинам, закрывая прошлое, превращая их в нечто монолитное, неразрывное и абсолютно свободное.

Они буквально ввалились в квартиру на Васильевском. Спина после блэкворка — это не руки, которые можно просто баюкать перед собой. Это огромная, пышащая жаром площадь, которая занимала почти половину тела.

Девочек шатало от жуткого адреналинового отката и подступающей лихорадки. Кожа под заживляющей плёнкой горела так, словно к ней прижали раскалённую чугунную плиту. Любое малейшее движение плечом или попытка повернуться отзывались острой, режущей болью от лопаток до самого копчика.

— Насть... я сейчас просто упаду на пол, — прохрипела Лиза, прислонившись лбом к косяку в прихожей. Ее била крупная дрожь.

— Не смей, на пол нельзя, грязь занесём, — Настя с трудом стащила с себя кроссовки, наступая на пятки, и подошла к подруге. Ее лицо было землистого цвета, вокруг глаз залегли тёмные круги. — Давай, аккуратно шагай в комнату. В аптечку я сама полезу.

О том, чтобы сесть или, упаси боже, лечь на диван привычным способом, не могло быть и речи. Спина превратилась в зону абсолютной неприкосновенности.

Настя, преодолевая тупую, пульсирующую боль в собственных лопатках, сумела вытащить из сумки ибупрофен. Дрожащими пальцами она выдавила две таблетки для Лизы и две для себя. Воду они пили прямо из горлышка пластиковой бутылки, аккуратно передавая её друг другу, как стеклянную вазу, — ведь при подъёме руки мышцы спины натягивались и причиняли дикую боль.

— Так, — Настя тяжело опустилась на колени перед кроватью, утыкаясь лбом в матрас. — План такой. Ложимся на живот. Другого выхода нет.

Лиза осторожно, сантиметр за сантиметром, опустилась на кровать рядом. Когда её живот коснулся простыни, она издала глухой стон — даже при таком положении ткань футболки натянулась на плечах, тревожа свежую рану. Настя устроилась точно так же.

Они лежали на животах, повернув головы друг к другу, вытянув руки вдоль тела. Из-под домашних маек, которые они кое-как надели, до самых штанов тянулась глянцева защитная плёнка. Под ней уже начала скапливаться тёмная лимфа, смешанная с излишками пигмента — казалось, что их спины залиты жидким чёрным стеклом.

— Ну как ты, отличница? — тихо спросила Настя, её голос из-за подушки звучал приглушённо.

— Чувствую себя так, будто меня переехал асфальтоукладчик. А потом сдал назад, чтобы проверить, жива ли я, — Лиза попыталась слабо улыбнуться, но из глаз брызнули произвольные слёзы боли. — Но знаешь что?

— Что?

— Сзади у нас теперь вообще нет уязвимых мест. Полная защита.

Настя тихо, хрипло рассмеялась, тут же зашипев, потому что от смеха зашевелились лопатки.

— Точно. Броня «класс четыре». Никаких ножей в спину — они просто сломаются о наш монолит.

Через час таблетки начали действовать, немного приглушив это адское пламя. Температура поднялась, комната поплыла в полубредовом тумане, но это был привычный, почти родной туман.

Всю следующую неделю они жили в странном, замедленном ритме, похожем на ритуальный танец.

* Помощь во всём: Поскольку дотянуться до собственной спины было физически невозможно, они ухаживали друг за другом. Когда через несколько дней пришло время снимать плёнку, это было настоящим испытанием. Настя аккуратно, миллиметр за миллиметром, стягивала присохший пластик с Лизиной спины, поливая её прохладной водой из бутылки, а Лиза до хруста сжимала в кулаках простыню, чтобы не закричать.

* Мази: Потом они по очереди, невероятно бережно, наносили друг другу заживляющий крем. Лиза тонкими пальцами распределяла мазь по Настиной спине, окрашенной в глухой, непроницаемый чёрный цвет. Под ладонью чувствовался рельеф позвоночника, лопаток — и всё это теперь было сокрыто под вечной матовой тьмой.

* Сон: Спать приходилось строго на животе, уткнувшись носом в подушку, карауля движения друг друга во сне, чтобы случайно не задеть партнёра рукой.

К концу недели боль утихла, сменившись безумным, изнуряющим зудом — признаком того, что кожа начала обновляться. Но когда они впервые после заживления смогли встать перед большим зеркалом в ванной и повернуться спиной, придерживая воротники маек... они замерли.

Сзади, от самой шеи, ровной, идеальной линией начинался угольный монолит. Он плавно перетекал в чёрные рукава и уходил вниз, под резинку шорт. Две девчонки, две идеальные выпускницы, выглядели теперь как существа из другой, загадочной и пугающей вселенной.

— Ну вот и всё, Лизок, — тихо сказала Настя, глядя на их отражения. — Половина дела сделана. Мы наполовину сотканы из темноты.

Лиза провела ладонью по своей спине — кожа была гладкой, новой и абсолютно чёрной. Страха больше не было. Было только дикое предвкушение того, что они заполнят эту тьму до самого конца.

Они лежали на животах, абсолютно нагие, чтобы ни одна ниточка, ни один шов домашней одежды не смел коснуться горячей, заживающей кожи на спинах. В комнате было тепло от старого питерского радиатора. Окна заволокло густым вечерним туманом, отсекающим их маленькую квартиру от всего остального мира.

Таблетки немного притупили острую боль, оставив лишь тяжёлое, пульсирующее тепло. Настя лежала, подложив согнутую в локте чёрную руку под подбородок, и внимательно смотрела на Лизу. Лиза повернула голову к ней. В этом полумраке, без одежды, они выглядели странно и гипнотически: идеально покрашенные, угольные рукава и глухая чернота, уходящая со спины на бока, резко контрастировали с пока ещё чистой, фарфоровой кожей спереди.

Настя опустила взгляд чуть ниже, туда, где грудь Лизы мягко прижималась к простыне.

— Лиз, — тихо, почти интимным шёпотом произнесла Настя. Её голос в тишине комнаты прозвучал как заклинание. — А теперь только представь...

Лиза шевельнулась, не сводя глаз с подруги.

— Что?

— Наши груди, — Настя едва заметно улыбнулась, и в её глазах заплясали опасные искорки. — Помнишь, как в школе мальчики на них пялились? Как заглядывали в вырезы,

когда мы сдавали экзамены? Все эти дурацкие взгляды, оценки, стандарты... Соски, ареолы, нежная белая кожа, на которую все заились. Скоро всего этого просто не будет. Они станут тьмой.

Лиза затаила дыхание. Она посмотрела на свою грудь, потом на Настину. Мысль, которую озвучила подруга, была радикальной, почти кощунственной для обычного человека, но для них двоих она прозвучала как высшая форма освобождения.

— Они станут такими же чёрными, как наши руки и спина, — продолжала нараспев Настя. — Плотный, матовый монолит. Идеально ровная заливка. Никаких акцентов, никаких деталей, которые социум считает «сексуальными» или «привлекательными». Мы просто закроем это для всех навсегда. Это будет принадлежать только нам. Под рубашкой будет просто глухой чёрный холст.

По телу Лизы пробежала волна мурашек, и это было не от прохлады. Представление о том, как угольно-чёрная краска поглотит самые интимные, уязвимые части её тела, вызывало внутри дикую смесь робости и пьянящего восторга. Это было сродни стиранию себя прежней — той правильной девочки-отличницы, которой все пытались управлять.

— Это... это будет ощущаться совсем иначе, да? — тихо спросила Лиза, представив, как тату-машинка пойдёт по чувствительной коже груди, превращая её в монолит.

— Да, — Настя протянула руку и кончиками пальцев своей полностью забитой, чёрной руки едва коснулась чистой кожи на предплечье Лизы, там, где тьма ещё не успела воцариться. — Это будет абсолютная свобода, Лиз. Мы станем живыми произведениями искусства, спрятанными в футляры из джинсов и закрытых маек. Ни один человек в метро, в институте, на будущей работе даже не догадается, что под строгой тканью наши тела полностью сотканы из ночи.

Лиза закрыла глаза, чувствуя, как внутри окончательно выстраивается эта ментальная стена между ними и всем остальным миром. Страх перед будущей болью отступил, уступив место фанатичному нетерпению. Ей безумно захотелось, чтобы этот год свободы пролетел как можно продуктивнее, чтобы этот чёрный кокон поскорее замкнулся, оставив их наедине с их грандиозной тайной.

Прошёл ещё месяц. Спины зажили идеально, превратившись в ровное, матовое полотно глубокого угольного цвета. Теперь, когда Настя и Лиза смотрели друг на друга со спины, казалось, что на них надеты глухие, облегающие чёрные гидрокостюмы. Но спереди они всё ещё оставались обычными девчонками с бледной фарфоровой кожей.

В студию на Фонтанке они вернулись с прежним ледяным упорством. Мастера уже не спорили. Макс и Олег только молча переглянулись, когда Настя озвучила план:

— Забиваем всю переднюю часть по пояс. За один цикл сеансов. Всё сразу — ключицы, грудь, торс. И рёбра.

— Рёбра — это ад, девчонки, — глухо сказал Олег, раскладывая на столе стерильные модули. — Там кожа тонкая, а кости прямо под ней. Машинка будет бить по рёбрам, и боль будет отдавать в лёгкие, вам будет трудно дышать. Вы уверены, что выдержите такой объём за раз?

— Мы выдержим, — ответила Лиза. В её голосе больше не было девчоночьей робости. За эти месяцы боль стала для них понятным, почти осязаемым попутчиком.

Кушетки снова сдвинули вплотную. На этот раз они легли на спину. Настя и Лиза повернули головы друг к другу. Перед ними на потолке лофта тускло горели промышленные лампы, а прямо над их телами склонились четверо мастеров. Макс и Яна встали над Настей, Олег и Дэн — над Лизой.

В воздухе повисла плотная, звенящая тишина, которую через секунду разорвал привычный, тяжёлый рёв четырёх мощных машинок.

— Ну что, отличницы, прощайтесь со своей чистой кожей, — тихо сказала Яна и поднесла широкий магнум к Настиной ключице.

Когда первые иглы одновременно вошли в их кожу, Лиза до хруста сжала кулаки. Боль от ключиц была острой, режущей, но когда мастера начали спускаться ниже, к груди, ощущения изменились. Это была глухая, обжигающая боль. Нежная кожа ареол и груди принимала чёрный пигмент неохотно, её приходилось прокрашивать плотно, круг за кругом. Лиза видела, как Настя тяжело, прерывисто дышит, глядя в потолок, а её пальцы инстинктивно ищут руку Лизы. Они снова сплели пальцы — мокрые от пота, ледяные от адреналина.

Но самый настоящий кошмар начался, когда машинки дошли до рёбер.

Олег предупреждал, но реальность оказалась хуже. Каждый удар широкого пучка игл по межреберным промежуткам отзывался дикой, невыносимой вибрацией внутри всего тела. Казалось, что тату-машинка бьёт прямо по внутренним органам, вышибая воздух из лёгких. Лиза почувствовала, как по её щекам покатились слёзы — не от страха, а от чистого физического шока. Ей казалось, что она больше не может сделать полноценный вдох.

— Дыши, Лиз... дыши со мной, — сквозь зубы прохрипела Настя. Она сама была бледной как полотно, на лбу выступили крупные капли пота, но её взгляд, прикованный к Лизе, оставался яростным и твёрдым. — На раз — вдох, на два — выдох. Мы забираем эту тьму. Она наша.

Лиза зацепилась за её голос, как за спасательный круг. Она начала дышать в такт рваному Настиному дыханию. Вдох — игла режет рёбра, выдох — краска заливает торс.

Час за часом фарфоровая белизна их тел исчезала под безжалостными руками мастеров. Чёрный монолит поднимался от живота вверх, поглощая рёбра, заливая грудь, стирая нежные розовые контуры ареол, превращая всё в единую, непроницаемую, матовую ночь. Больше не было «женского» или «мужского», «сексуального» или «вульгарного». Рождалась чистая, первобытная тьма.

К позднему вечеру всё было кончено. Когда машинки наконец смолкли, в студии воцарилась оглушительная тишина. Девочки лежали без сил, их тела горели огнём, а грудные клетки тяжело и шумно вздымались. Мастера, тяжело дыша, снимали перчатки — они были измотаны не меньше.

Макс аккуратно протёр торс Насти очищающей пенкой. Лиза приподняла голову и посмотрела на подругу.

От самых ключиц, ровной, идеальной линией, как воротник глухой водолазки, вниз уходила сплошная чёрная броня. Она полностью закрывала плечи, руки, рёбра и грудь, сливаясь со спиной. Настины груди стали частью монолита — гладкого, угольного, иссиня-чёрного. То же самое мастера заканчивали делать на теле Лизы.

— Ну и ну... — тихо выдохнул Дэн, молодой мастер. — Я видел много блэкворка. Но вы двое... вы просто переписали своё тело заново.

Настя медленно перевела взгляд на Лизу. На её губах, несмотря на дикую слабость и подступающую лихорадку, заиграла торжествующая, почти безумная улыбка отличницы, которая только что сдала самый главный экзамен в своей жизни.

— Мы сделали это, Лиз, — прошептала она, и её горячие пальцы сильнее сжали руку подруги. — Теперь мы закрыты спереди. По пояс... под нашими рубашками больше нет ничего светлого.

Такси везло их обратно через Дворцовый мост. Нева за окном казалась такой же свинцовой и равнодушной, как эта чёрная краска, которая теперь стала частью их самих. Настю и Лизу колотило так сильно, что зубы стучали в такт колесам машины. Адреналиновый откат после забитых рёбер и груди был в разы страшнее, чем после спины. Организм кричал от шока.

Спереди они были туго, до хруста замотаны в защитную плёнку. Кожа под ней пылала, лимфа смешивалась с излишками угольного пигмента, превращая их торсы в подобие блестящих латексных панцирей.

Когда они наконец переступили порог квартиры, силы оставили их окончательно.

— Лиз... даже не думай ложиться, — Настя оперлась лбом о холодную стену коридора. Каждое слово давалось с трудом, потому что на вдохе рёбра пронзала сотня мелких ножей. — На спину нельзя — там старый блэкворк еще помнит боль. На живот нельзя — теперь там ад.

Это был тупик. Единственным положением, которое не приносило сумасшедшей судороги, оказалось сидение на полу, вытянув ноги и слегка откинув голову на диван. Так они и замерли: две абсолютно голые по пояс девушки, чьи тела от ключиц до талии были закатаны в непроницаемую, глянцевою тьму.

Первые трое суток превратились в кошмар, который они позже назовут «днями тишины».

* Дыхание вполтину: Забитые рёбра не позволяли сделать глубокий вдох. Они дышали поверхностно, часто, как испуганные птицы. Любой смешок или попытка заговорить громче обычного отзывались такой режущей болью, что из глаз брызгали слёзы.

* Квест с водой и таблетками: Налить воду было невозможно — при подъёме руки мышцы груди натягивались и тянули за собой горящую кожу. Лиза садилась на колени перед Настей, придерживая стакан губами, пока Настя, преодолевая боль, помогала ей пальцами. Обезболивающее они пили по часам, карауля каждую минуту облегчения.

* Сон стоя: Спать они не могли ни на животе, ни на спине. В итоге они соорудили на полу «гнездо» из всех имеющихся в доме подушек и матраса, усевшись полубоком-полусидя, подперев друг друга забитыми плечами. Это был единственный способ забыться сном хотя бы на пару часов.

На четвёртый день пришло время снимать плёнку. В ванной было душно от пара. Настя стояла перед Лизой, её руки дрожали. Снимать присохший пластик с нежной кожи груди и стёртых ареол было изощрённой пыткой.

— Тяни, Насть... просто тяни, не жалей, — прошептала Лиза, вцепившись пальцами в край раковины. Её ногти побелели.

Настя аккуратно, подтрунивая над собственным страхом, подцепила край и потянула плёнку вниз, поливая кожу прохладной водой. Когда пластик наконец отделился, Лиза со стоном облегчения закрыла глаза. Настя бережно, самыми кончиками пальцев начала наносить заживляющую мазь. Под её ладонью больше не было той девичьей, мягкой кожи, к которой все привыкли. Там был плотный, матовый, бархатистый монолит. Тьма легла идеально — густая, без единого просвета, полностью поглотив прежние контуры.

Когда они поменялись местами, и Лиза мазала Настю, в зеркале над раковиной они впервые увидели себя полностью.

От самых ключиц, образуя идеальную прямую линию — словно край дорогой глухой водолазки — вниз уходил угольный панцирь. Он обтекал рёбра, полностью заливал грудь, превращая тела в монолитные скульптуры. Выше ключиц — привычные лица отличниц, нежная шея, чистая кожа. Ниже — абсолютная, вечная ночь.

Настя повернулась к Лизе, её кожа блестела от мази.

— Посмотри на нас, Лиз. Мы стёрли всё, что они могли оценивать. Мы стёрли всё, что они считали уязвимым. Под одеждой теперь действительно только тьма.

Лиза провела рукой по своей груди — ощущение было странным, кожа казалась чужой, но внутри росло дикое, ни с чем не сравнимое чувство контроля над собственным телом. Они разделили эту боль до конца. Теперь их тайна была заперта внутри этого чёрного кокона.

Через неделю, когда воспаление окончательно спало, они впервые решили примерить свои обычные вещи. Лиза достала из шкафа белую хлопковую рубашку, застегнула её на все пуговицы до самого верха и посмотрела в зеркало. Из него на неё глядела прилежная студентка,

готовая к парам в институте. Ни единого намека, ни единого контура не проступало сквозь плотную ткань.

Настя подошла сзади, точно так же одетая в закрытую чёрную майку, и положила свои забитые руки ей на плечи.

— Ну что, девочки в рубашках, — тихо сказала она. — Мир даже не представляет, кто мы теперь такие.

Они лежали на спине, абсолютно нагие, на большой кровати посреди своей притихшей питерской квартиры. Спины, забитые месяц назад, уже полностью зажили, став гладкими и матовыми, но теперь огнём горела вся передняя часть тел.

Это было странное, гипнотическое зрелище. Две девчонки, вытянувшись в струнку, неподвижно смотрели в потолок, где лениво кружили тени от оконных рам. Их пальцы были крепко сплетены между кушетками ещё в салоне, и здесь, дома, они так и не разомкнули рук. Ладони у обеих были горячими, сухими от подступающего жара, но этот замок из пальцев оставался их единственным заземлением.

— Насть... — тихо, на самом выдохе позвала Лиза, боясь шевельнуться. Каждый вдох после рёбер отзывался внутри глухим, тяжёлым давлением. — Мы ведь сделали это.

— Сделали, — так же тихо ответила Настя. Она лежала бледная, с каплями пота на висках, но взгляд её был абсолютно чистым и торжествующим.

Они синхронно повернули головы друг к другу. Из-за защитной плёнки, стягивающей торсы от ключиц до самого пояса, их тела казались отлитыми из тёмного, глянцевого стекла. Краска под пластиком смешивалась с лимфой, создавая ощущение, что на них надеты глухие, космические доспехи. От прежних Насти и Лизы остались только лица, шеи, кисти рук и всё, что было ниже пояса. Вся средняя часть их тел была стерта, поглощена угольным монолитом.

Грудь, которая ещё утром была объектом чужих взглядов и глупых мальчишеских обсуждений в школьных коридорах, теперь навсегда ушла во тьму. Розовые контуры сосков и нежная фарфоровая кожа исчезли под плотной, непроницаемой заливкой.

— Смотри на нас, — прошептала Настя, сильнее сжимая Лизины пальцы. — Ни одного просвета. От лопаток до груди, от плеч до рёбер. Мы закрылись, Лизок. Скоро плёнка сойдёт, краска станет матовой, и мы превратимся в живой секрет.

Лиза смотрела на Настину грудь, скрытую под чёрным глянцем плёнки, потом на свою. Ей было дико, страшно и одновременно невероятно спокойно. Всю жизнь их оценивали по внешности, по оценкам, по правильности линий. Теперь они сами провели свою главную линию — ровную, бескомпромиссную, прямо по ключицам.

— Нам предстоит ещё столько учиться, ходить на работу, общаться с людьми... — Лиза зажмурилась, чувствуя, как таблетка анальгетика постепенно начинает укутывать боль в ватную оболочку. — И никто никогда не узнает. Мы будем ходить в закрытых рубашках, застёгнутых на все пуговицы. Будем улыбаться, сдавать сессии. А под тканью у нас будет абсолютная ночь.

— В этом и есть весь кайф, — Настя слабо улыбнулась, прикрывая глаза. — Социум получит то, что хочет видеть — двух отличниц в джинсах и кофтах. А настоящие мы останемся под этой броней. Только ты и я.

Они замолчали, слушая, как за окном шумит вечерний Васильевский остров. Две девчонки, соединённые одной болью и одной безумной тайной на двоих, засыпали на спине, крепко держась за руки, пока внутри их кожи застывала вечная, непроницаемая тьма.

Прошло несколько недель, и воспаление полностью сошло. Кожа на груди, торсе и рёбрах восстановилась, сменившись гладким, безупречным угольно-чёрным монолитом. Теперь их тела по пояс выглядели так, словно были вырезаны из матового тёмного обсидиана. Граница

у ключиц получилась идеально ровной — хирургически точная линия, отделяющая их прежние лица отличниц от новой, вечной брони.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.